

УДК 37(476):94(476)«17/18»

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА ИИСУСА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772–1820): QUI PRODEST?¹**

*канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ
(Полоцкий государственный университет)*

Рассматривается образовательная и воспитательная деятельность Общества Иисуса на территории Российской империи с 1772 по 1820 годы. Посредством анализа мемуарной литературы и корреспонденции, каталогов ордена и педагогических сочинений его членов реконструируется образовательный идеал иезуитов и определенной части российского общества, создается социальный портрет учеников иезуитских коллегиумов, прослеживаются общественные связи, складывающиеся между учениками, их семьями и преподавателями. Успехи Общества в деле образования в начале XIX века объясняются как политическими и социокультурными факторами, так и соответствием между образовательным предложением и общественным запросом на воспитание личности, открытой разным религиям, языкам и культурам.

Ключевые слова: *Общество Иисуса, Российская империя, образовательный идеал, социальный портрет, пансион, иезуитский коллегиум.*

Введение. Сеть школ и коллегиумов Общества Иисуса во главе с Полоцкой Академией, сложившаяся в Российской империи в начале XIX века, является заметной лакуной в историографии образования. Старый миф о догматическом преподавании и антигуманном воспитании иезуитов проанализирован и дезавуирован [1, с. 177–203], однако от этого представление о месте иезуитских школ в образовательной системе Российской империи на рубеже XVIII–XIX веков не сделалось яснее. Специальные работы, посвященные этой теме, трактуют проблему фрагментарно, обращая внимание либо на деятельность одного из учебных заведений, будь-то Санкт-Петербургский Благородный коллегиум [2] или Полоцкая Академия [3; 4 с. 139–172; 5], либо сети белорусских школ [6, 7]. Следует отметить, что практически никогда исследователи не задавались целью рассмотреть тему в социологическом аспекте. Например, создать социальный портрет учащегося иезуитских коллегиумов (очевидно, что он будет разным для Санкт-Петербурга и, скажем, белорусских губерний, хотя было бы любопытно заметить и возможные сходства), выявить общественные связи между семьями учащихся и Обществом Иисуса. В своей работе мы постараемся выполнить эти задачи, попутно ответив на несколько взаимосвязанных вопросов. Каково было содержание учебных и воспитательных программ иезуитских школ? В чем заключались существенные отличия между обучением и воспитанием в иезуитских коллегиумах и иных учебных заведениях (пансионах, частных училищах, церковных школах под руководством иных католических и униатских орденов) Российской империи? Кто был в православной империи, выражаясь на языке современных администраторов, потребителем образовательных услуг католического ордена? Или на латыни, которую предпочитали иезуиты: *qui prodest?*

Основная часть. Прежде чем приступить к сопоставлению и социальному анализу, позволим себе сделать небольшой исторический экскурс, без которого ответы на поставленные вопросы будут неполными. В правление Екатерины II педагогическая деятельность Общества Иисуса была ограничена Полоцкой и Могилевской губерниями, в которых насчитывалось шесть коллегий и несколько начальных школ при резиденциях. С восхождением на престол Павла I ситуация меняется коренным образом: благодаря высочайшему покровительству осенью 1800 года иезуиты получают позволение открыть коллегиум в столице. В 1803 году при коллегиуме открывается пансион для детей благородных семейств. В «дней александровых прекрасное начало» количество новых школ стремительно растет: они появляются при миссиях на Кавказе, на Волге, под Одессой, в Сибири, в 1812 году полоцкий коллегиум получает статус академии с правами университета, по инициативе графа Августа Илинского в 1816 году открывается коллегиум в его имении Романов на Вольни. Выгоды, полученные царским престолом от распространения апостольской и педагогической деятельности иезуитов, понятны и лежат в плоскости скорее внешнеполитической, чем внутривосточной (о политических аспектах взаимодействия российского царского престола и Общества Иисуса см.: [8]). Ясно читается и география школьной сети – иезуиты существуют и активно развиваются в тех регионах, где исторически сложилась значительная католическая община. При этом иезуиты возвращаются в те регионы (Моздок, Астрахань, Саратов, Иркутск), которые

¹ Данное исследование проведено в рамках проекта «Миссионерская, педагогическая и литературная деятельность Общества Иисуса в Российской империи (1772–1820)», осуществленного при поддержке Института передовых исследований «Лионский Коллегиум» (Collegium Institut d'études avancées, Université de Lyon).

в конце XVII века были либо «освоены», либо включены в наземный путь из Европы в Китай о. Филиппом Аврилем, автором известного «Путешествия по различным частям Европы и Азии, предпринятого чтобы открыть новый путь в Китай» (*Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine*, Paris, 1692) [об этом путешествии см.: 9, с. 368–386; 10, 11].

Состав учащихся не был однородным по вероисповеданию – орден изначально проповедовал толерантный подход в деле образования и принимал в свои школы всех, вне зависимости от религиозных убеждений и социального статуса. В иезуитские школы шли дети разного происхождения и положения. Безусловно, некорректным будет совместное рассмотрение без учета религиозных, культурных и социальных различий ученического состава провинциальных школ и столичного коллегиума. Однако следует помнить, что образовательное предложение, безусловно адаптированное к потребностям разных социальных групп в столице и в провинции, в общих чертах повторяло единую схему. В Петербурге и Полоцке, Даугавпилсе и Романове при желании можно было изучать одни и те же предметы по идентичным программам, о чем свидетельствует «Образовательный план для Благородного пансиона», написанный в начале 1800-х гг. о. Габриэлем Грубером и опубликованный историком ордена М.-Ж. Руэ де Журнелем [см.: 2, р. 104–110]. Наша гипотеза заключается в том, что предложение соответствовало некоему единому образовательному идеалу, стихийно сложившемуся у части российского общества на рубеже XVIII–XIX веков. Попробуем воссоздать его, исходя из анализа учебных и воспитательных программ и подходов.

Краеугольным камнем всего преподавания и воспитания у иезуитов была, как известно, латынь и античная культура в целом. Обучение латинскому языку в коллегиумах продолжалось пять лет и подразделялось на классы инфимы (низшей грамматики), грамматики, синтаксиса, поэтики и риторики. В первом классе изучались основы латыни: части речи, склонения и спряжения. Затем переходили к изучению произведений Цицерона, Овидия, Вергилия, Катулла и Проперция. По мере овладения латынью ученики приступали к самостоятельным творческим письменным работам, сочинениям и переводам. Большое внимание уделялось стихосложению, развивавшему творческие способности учеников, а также привычку самостоятельно мыслить. По мнению графа Н.Е. Комаровского, единомышленника М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева, сына одного из воспитанников Благородного пансиона в Петербурге Е.Е. Комаровского, «задача иезуитов была выработать во вверенной им молодежи, главным образом, привычку к самостоятельному труду и к известному дисциплинированию мысли. [...] Отец мой хорошо помнил, как 13-летним мальчиком он сживал уединенно, в своей келье за сочинением латинских стихов, и время, казалось ему, летело незаметно. Этим самым иезуитами было достигнуто многое, а именно, что мальчик не скучал заниматься» [12, с. 9]. Итогом обучения становилось овладение всеми риторическими приемами латинской речи, успехи демонстрировались на заключительном экзамене – публичном театральном представлении [см.: 6, с. 204].

Методика преподавания латыни у иезуитов, как мы видим, предполагала не простое зазубривание мертвой буквы, но прежде всего усвоение живого духа классической культуры с ее гражданскими и общественными ценностями. Примечательно, что у иезуитов получили воспитание некоторые декабристы (князя А.П. Барятинский и В.М. Голицын, граф В.А. Мусин-Пушкин, Н.Н. Оржицкий, И.В. Поджио, П.Н. Свистунов и другие), а также участники восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском и белорусских губерниях. Конечно, иезуиты были не единственными, кто, преподавая российской молодежи начала XIX века тексты Гая Юлия Цезаря, Плутарха, Цицерона, Корнелия Непота, внушал ей дух римской героики. О большой роли семейного воспитания в этом деле писал Ю.М. Лотман [13, с. 62–64]. Однако и вклад иезуитов, пусть и косвенный, в формирование нового психологического типа невозможно отрицать. Парадоксальным образом расширенное преподавание латыни иезуитами совпадало и с интересами российского престола. После 1789 года власть стремилась усилить классический образовательный компонент, уменьшая до известной степени роль французского языка и ограничивая таким образом распространение «крамольных» республиканских идей [см. исследование одного из случаев введения латыни в программу домашнего образования: 14]. Знание латыни было необходимо также для учебы в университете. Насколько можно судить по биографиям известных выпускников иезуитских школ, только некоторая часть из них пользовалась этой возможностью. Тем не менее любопытно отметить, что расцвет классического образования у иезуитов (1800–1810-е гг.) и подъем Виленского университета (1810–1820-е годы), а также один из пиков интереса российской молодежи к немецким высшим учебным заведениям (1815–1830) [см.: 15, с. 37–58] приходятся на время жизни нескольких идущих друг за другом поколений.

Существенный вес в системе иезуитского образования имели и живые языки, родные для учеников (польский и русский), а также иностранные. Из последних в коллегиумах преподавались только французский и немецкий как наиболее употребительные в международном общении и соответственно востребованные дворянством. Учащимся Санкт-Петербургского Благородного пансиона также предлагалось изучение английского языка – об этом говорится в «Образовательном плане» о. Грубера [2, р. 105]. Однако нам ничего не известно о практике его преподавания, не сохранились ни свидетельства учеников,

ни учебники и пособия, которыми могли бы пользоваться преподаватели. Нам известен лишь один член Общества Иисуса, который проживал в столице Российской империи и был носителем английского языка – о. Ричард Хаски, чье имя как преподавателя английского языка в Благородном пансионе впервые появляется в каталоге Общества за 1806–1807 гг. [16, р. 19]. Затем это имя и сама должность бесследно исчезают из каталогов. Отказ от преподавания можно объяснить началом англо-русской войны, пришедшимся как раз на 1807 г. Вероятно также, что преждоление о. Грубера было всего лишь первоначальным рекламным ходом по привлечению знатной столичной публики, которую все более привлекала английская культура. По крайней мере, стоит отметить желание иезуитов адаптироваться к потребностям высокого столичного общества.

Глубокое и продолжительное изучение русского языка и литературы также упиралось в нехватку преподавателей, которые бы в совершенстве владели им. С 1787 года курс русского языка был введен во всех белорусских коллегиумах, но ограничивался начальными классами – инфимы и грамматики (в Витебском коллегиуме изучение продолжалось и в классе синтаксиса) [6, с. 133]. В качестве преподавателей выступали магистры, преимущественно уроженцы белорусских губерний. Помимо безвестных членов ордена, среди преподавателей русского языка в Полоцком коллегиуме обнаруживается имя о. Андрея Чижа, впоследствии ректора Санкт-Петербургского Благородного коллегиума (1806–1815). Однако уровень их подготовки видимо был не слишком высоким. По крайней мере, он не устроил побывавшего в Полоцком коллегиуме Александра I, вскоре после восшествия на престол в июне 1802 г. Через несколько месяцев после монаршего визита министр внутренних дел граф В.П. Кочубей приказал ввести изучение русского языка в учебный курс всех иезуитских коллегиумов и школ [17, р. 341–342; 18, р. 341]. Но исполнение приказа шло медленно. Приехавший в июле 1803 года с инспекцией академик В.М. Севергин отмечал, что преподавание в младших классах ведется по-польски, а в старших – на латыни и по-польски [19, str. 23]. Продемонстрировать существенные успехи в преподавании русского языка Общество Иисуса смогло лишь в 1812 году, когда по случаю открытия Полоцкой Академии был выпущен многоязычный сборник стихотворений, куда вошли произведения и на русском [20].

Зато Общество не испытывало нехватки в преподавателях-носителях французского и немецкого языков. После открытия новициата в Полоцке в феврале 1780 года в пределы Российской империи стали съезжаться бывшие члены Общества Иисуса и желающие вступить в него. В период с 1783 по 1820 гг., по подсчетам И. Кадульской, из Германии, Франции, Италии, Австрии, Бельгии, иных стран в белорусскую провинцию прибыло 96 человек [21, р. 83]. По нашим подсчетам, во всей Российской империи иезуитов из иных стран (мы не имеем в виду белорусские, польские, литовские, латвийские земли) было около 150, около 50 из них были непосредственно заняты преподаванием современных иностранных языков².

Преимуществом Общества Иисуса перед школами других католических орденов было не только количество учителей иностранных языков, но и качество преподавания. Оно было впервые высоко оценено Екатериной II во время ее визита в Полоцк и Могилев в мае-июне 1780 года [23]. В дальнейшем методика преподавания иностранных языков иезуитами становилась все более совершенной. После основания иезуитской типографии в Полоцке (1787) вышло около двух десятков наименований учебников, грамматик, пособий и словарей для изучения немецкого и французского языков [24]. Помимо переизданий известных грамматик Шарля-Франсуа Ломона (*Éléments de la grammaire française*) или Матиаса Шенберга (*Lehrreiche Gedanken mit kleinen Begebenheiten zur Bildung eines edlen Herzens in der Jugend*), появлялись и оригинальные публикации. В них использовался тот же методический принцип, что и в учебниках по латинскому языку: от простого к сложному, от чтения к овладению устной речью и письмом, соединение преподавания и воспитания, социализация юношей и их духовного совершенствования.

В качестве примера возьмем сборник для изучения французского языка, состоящий из двух частей и выдержавший два переиздания: 1798 и 1804 [25]. Издание сочетает в себе монологический принцип изложения материала с диалогическим, который предполагает активное участие ученика. Ученику предлагаются для запоминания диалоги, моделирующие бытовые ситуации, эпистолярные этикетные формулы, беседы на религиозную тематику, исторические анекдоты и назидательные басни, требующие обсуждения и комментария. У нас нет свидетельств того, как выполнялись подобные упражнения. Не боясь ошибиться, приписав иезуитам чуждые им мысли, можно утверждать, что они были направлены на то, чтобы не только научить говорить на иностранном языке, но и мыслить, учиться вступать в контакт и представлять себя в различных разговорных ситуациях, соответствующих социальному статусу ученика.

Гуманитарную составляющую иезуитского образования дополняли библейская и всеобщая история как древняя, так и современная, хронология, мифология, основы естественного, гражданского и по-

² В своих подсчетах мы опирались на каталоги Общества Иисуса, изданные как в XVIII–XIX вв., так и позднее [22]. К сожалению, они изобилуют опечатками и фактическими ошибками и не могут быть приняты в качестве единственных надежных источников информации.

литического права, начала философии и богословия, рисунок, музыка и танец. Естественнонаучная составляющая складывалась из занятий по математике, физике, алгебре и геометрии, архитектуре, географии. Вся программа была рассчитана на шесть лет, и освоение всего курса наук было важнейшим условием иезуитов, считавших, что оно позволяет «молодому человеку ... с должным достоинством исполнять приличествующие его положению обязанности, в каком бы окружении ему не предназначено было бы жить» [2, р. 104].

В сравнении с иными учебными заведениями курс наук, предлагаемый иезуитами, выглядит оптимальным. Он несколько шире, чем могли предложить частные пансионаты, располагавшие меньшими средствами и меньшим количеством преподавателей (например, знаменитый пансионат аббата Николая в Санкт-Петербурге), но и не настолько развернутый, какой впоследствии была программа Царскосельского лицея. Таким образом, и стоимость обучения оказывалась доступной для многих дворянских семей. Она, конечно, была разной в разных местах. В публичных школах белорусских губерний, в начальных миссионерских школах на Кавказе, на Волге и в Одессе само обучение было бесплатным. Оплата взималась только за проживание в пансионате по договору между родителями и руководством коллегиума. Более того, для детей из бедных семей обучение, проживание в пансионе, одежда и прочие услуги были бесплатными [6, с. 123–124, 202–203]. Бывали и другие исключения. В переписке за 1794–1795 гг. генерального викария Гавриила Линкевича с белорусским генерал-губернатором Петром Пассеком и женой неаполитанского посла герцогиней Серра-Каприола постоянно обсуждается вопрос о принятии в Полоцкий конвикт сына герцога. Глава иезуитов настойчиво подчеркивает, что оплата за проживание в пансионе, равно как за обучение, питание и пользование книгами, с юного герцога взиматься не будет [26]. Благорасположение генерального викария можно объяснить как проявлением христианского милосердия (мальчик страдал от некоего физического увечья), так и тонким расчетом на снискание новых ответных милостей и завоеванию новых влиятельных сторонников в высшем столичном свете, который в пору царствования Екатерины II был еще не слишком открыт для иезуитов.

Заявленная в начале 1800-х годов стоимость за обучение в Санкт-Петербургском Благородном коллегиуме составляла 1000 рублей в год [2, р. 109], будучи в полтора раза ниже цены, которую обычно запрашивали в это время за свои услуги частные преподаватели и в два раза ниже, чем у аббата Николая. В реальности она, скорее всего, была даже ниже, не превышая 600 рублей в год, как об этом свидетельствуют письма папского нунция в России кардинала Ареццо [2, р. 109] и графини Е.П. Ростопчиной [27, с. 128]. Однако для провинции это все же было дорого. Так, герцог Арман де Ришелье, размышляя о будущем лицее, писал из Одессы Александру I: «Я полагаю, что коллегиум, под руководством иезуитов, наподобие того, что недавно был учрежден в Петербурге, однако с менее высокой оплатой, был бы чрезвычайно полезен» [цит. по 28, с. 31–32]. Тем не менее цена существенно не влияла на общественное мнение – иные критерии определяли предпочтение и превращали петербургский пансион в своеобразную модель для новых учебных заведений.

Помимо собственно учебной составляющей, иезуитские школы славились также строгой дисциплиной. Мальчики в пансионате находились под постоянным надзором как во время уроков, так и на переменах, и в свободное время. Граф Н.Е. Комаровский замечал: «С одной стороны строгая дисциплина, не допускающая ни малейшего исключения в раз установленном порядке, поддерживала авторитет иезуитов среди учеников, а с другой же их осмысленное и терпеливое преподавание, сопряженное с приветливым и ласковым обращением, чуждым всякой формальности, невольно увлекали детей и располагали их в пользу своих воспитателей. Патеры иезуиты умели использовать не только часы уроков, но и, находясь неотлучно при воспитанниках во время рекреации, занимали их интересными рассказами преимущественно из истории, устраивали им игры и разные развлечения, и таким образом достигали главной задачи, находиться всегда в самом ближайшем общении со вверенными им юношеством» [12, с. 9–10]. Запрет на возвращение в семью на время каникул и выходных дней, как свидетельствуют многие мемуаристы [см. например: 29, с. 177], был не слишком строгим, и таким образом пансионная система иезуитов была своего рода компромиссом для семей, вынужденных отпускать сыновей на обучение из дома, но не желавших подвергать их суровым испытаниям казарменной системы военно-учебных заведений. К тому же учителя и воспитатели-иезуиты не давали поводов сомневаться в своих моральных устоях, что, как известно, было для русских семей от екатерининской до александровской эпохи иногда даже важнее, чем собственно профессиональные компетенции педагогов [см. об этом: 30, 31].

Однако точкой, в которой удачно сошлись иезуитское образовательное предложение и образовательный идеал той части российского общества рубежа XVIII–XIX веков, о которой пойдет речь дальше, было стремление создать человека познающего. «Научить учиться» – таков лейтмотив многих размышлений иезуитов и их ближайшего окружения о главной педагогической задаче. Именно об этом пишет в 1810 году Ж. де Местр министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому, критикуя программу Царскосельского лицея и противопоставляя ему систему иезуитов [32, р. 181]. Таково же и наставление о. Жан-Луи Лессега де Розавена своему бывшему ученику по Санкт-Петербургскому Благородному кол-

легиуму князю Алексею Алексеевичу Голицыну: «Большинство молодых людей воображают, будто кончив курс наук, им более не надобно учиться. Это явная ошибка, ибо никогда не будешь основательно образован, если не будешь учиться намного больше, выйдя из школы, даже более чем в школе. Когда не надобно более заниматься, чтобы научиться, надобно это делать, дабы избежать праздности, последствия которой всегда пагубны» [33]. Обращение католического священника выдержано, естественно, в проповедническом тоне, однако оно удивительно совпадает по существу с мнением князя П.А. Вяземского, вспоминая о своем обучении и воспитании до поступления в иезуитский пансион: «Много перебивало при мне французов, немцев, англичан; но ни один из них не был способен *приучить меня к учению, а это главное в деле первоначального воспитания*³» [29, с. 172].

Систематическое обучение и самообучение как средство воспитания – не единственный из педагогических методов иезуитов, который совпадал с новыми интересами российской аристократии. С иной точки зрения, религиозный характер образования, которому у иезуитов безусловно подчинялось и познание, и дидактика, и нравственное формирование учеников, был, быть может, даже важнее. По крайней мере, таково впечатление, которое складывается при изучении состава учащихся в иезуитских коллегиумах. К сожалению, мы не располагаем полными данными для всех учебных заведений, однако даже выборочное представление воспитанников позволяет заметить некие общие закономерности и на этой основе воссоздать их социальный портрет. В Санкт-Петербургском Благородном коллегииуме лишь некоторая часть учеников происходит из католических семей, эмигрантов в первом или втором поколении: барон О.О. Велио, граф А. де Шуазель-Гуфье, граф В.И. Лаваль, И.В. Поджио, братья И. и Ф. Ван Валсенаре, братья А. и Т. Бениславские и другие. При этом подавляющее большинство учеников, будучи изначально православным, имело тесные и непосредственные контакты с западным религиозным миром. Это не должно вызывать удивления, если помнить, что Благородный коллегииум существует в эпоху широкой веротерпимости, стремления к конфессиональному синкретизму, многочисленных обращений в католичество [см.: 34]. Обучение детей из таких семей у иезуитов было прямым продолжением духовного поиска родителей. Так, мать вышеупомянутого А.А. Голицына, княгиня Александра Петровна, была одной из первых русских женщин, принявших католичество. Все четверо ее сыновей обучались в столичном коллегииуме и впоследствии двое из них, все тот же Алексей Алексеевич и его старший брат Петр также стали католиками. Их дальний родственник Александр Михайлович Голицын меняет вероисповедание во время учебы у иезуитов, что становится одним из поводов для закрытия коллегииума и выдворения иезуитов из Санкт-Петербурга в конце 1815 года⁴.

В провинции ситуация выглядела иначе. Не обладая данными по школам в Саратовской губернии и в Одессе, можно лишь предположить, что они были в первую очередь ориентированы на потомков французских и немецких переселенцев, католиков и протестантов. В белорусских губерниях, где в 1770–1810 гг. доминировало греко-католическое вероисповедание, униатский орден св. Василия Великого не создал сети школ, которая могла бы конкурировать с иезуитскими коллегииумами по количеству учебных заведений и качеству преподавания в них. Поэтому среди воспитанников иезуитов встречается немало униатов, а также детей униатских священников (например, Я. Барщевский), детей местных чиновников (помощник Н.М. Карамзина и переводчик на французский язык его главного исторического труда К.С. Сербинович). Прибывавшие в белорусские губернии русские чиновники также отдавали предпочтение иезуитскому образованию перед униатскими школами. Так, Л.Н. Энгельгардт вспоминает, что в Витебске униатский дьячок за два года едва смог научить его читать, поэтому в 1776 году родители отправили его изучать французский и немецкий язык в местный коллегииум [37, с. 18–19]. В 1801–1802 годах в Полоцком коллегииуме под руководством о. Габриэля Грубера первые шаги в изобразительном искусстве делал Ф.П. Толстой.

Первый публикатор мемуаров выдающегося русского художника, скульптора и медальера удивлялся выбору учебного заведения, сделанному его покровителем и дядей графом Петром Александровичем [38, с. 26–27]. Анализ родственных связей воспитанников иезуитских коллегииумов в белорусских губерниях и в столице снимает недоумение. Федор Петрович Толстой приходился племянником одной из первых русских католичек XIX века графине Анне Ивановне Толстой, урожденной Барятинской, имевшей тесные связи с иезуитами. Ее сын Александр, а также племянники Павел Дмитриевич Толстой и Александр Петрович Барятинский обучались в петербургском коллегииуме. Как мы помним, там же учились шестеро князей Голицыных. Они находились в родстве с Ростопчиными, также учениками иезуитов, и привлекли их в коллегииум. Такое же взаимное притяжение обнаруживается в случае с баронами Алексеем и Валентином Григорьевичами Строгановыми и Д.П. Севериным, семействами Нарышкиных, Шуваловых и Суворовых. Нельзя не заметить, что все вышеназванные семьи принадлежат к самым вы-

³ Курсив наш – Д.К.

⁴ Об этих и других случаях обращения в католичество в России см.: [2, р. 213–244; 34, с. 47–84]. Среди обобщающих, аналитических работ выделим публикации Е.Е. Дмитриевой и М. Никё [35, 36].

соким столичным кругам, близким императорскому трону. Александр I, известный своими духовными и религиозными исканиями, во многом, пусть и опосредованно, мог влиять на образовательный идеал своих вельмож. Такое же влияние можно предположить и со стороны тех русских дворян, кто познакомился с методиками иезуитов до появления их учебных заведений в Российской империи. Одним из таких людей был князь Александр Михайлович Белосельский-Белозерский, чьим наставником в конце 1760-х годов являлся бывший французский иезуит Дьедоне Тьебо, поддерживавший с воспитанником переписку [39, р. 10–11, 72–73, 87–90, 315]. В своем стихотворном «Послании к французам» (*Épître aux Français*, 1784) князь с признательностью вспоминает уроки Тьебо :

Longtemps, sage Thiébault, retenu sous tes lois,
Tu fus, par tes leçons, mon guide et ma défense.
Mes folles passions se taisaient à ta voix... [40, р. 4].

(Долго, мудрый Тьебо, я оставался под твоим руководством, / Ты был, благодаря своим урокам, моим проводником и моей защитой. / Мои безумные страсти умолкали при звуках твоего голоса...)

С плодами уроков бывшего иезуита наверняка были знакомы и те семейства, чьих сыновей мы видим среди учеников Благородного коллегіума. Так, князя Белосельского-Белозерского и графа Ивана Степановича (Жак-Франсуа) Лавала, отца вышеупомянутого В.И. Лавала, соединяли как родственные узы (оба были женаты на сестрах Козицких), так и литературные вкусы [41, р. 71–72].

Сложившиеся в Санкт-Петербургском Благородном коллегіуме плотные родственные связи дополнялись атмосферой благорасположения и внимания к подопечным, которую культивировали иезуиты, и которая являлась частью их миссионерской стратегии. Укреплялись не только отношения между родными и двоюродными братьями, составлялись дружеские союзы между учителями и учениками. Ф.П. Толстой, несмотря на свое пренебрежительное отношение к иезуитам вообще, признавался в почти сыновней привязанности к о. Груберу [42, с. 61]. П.А. Вяземский вспоминал, что по выходе из пансиона состоял в переписке с ректором Благородного коллегіума о. Чижом [29, с. 180]. Такие близкие связи, в которых учителя, уже перестав быть для молодого человека наставниками, продолжают свою опеку, отражены в письмах за 1816–1817 годы к Алексею Алексеевичу Голицыну от о. Розавена, о. Гривеля, о. Бийи и о. ван Эверброка, сохранившиеся в копиях в Архиве Общества Иисуса в Ванве [43].

Заключение. Иезуитские пансионы превращались в симбиоз коллективного преподавания с домашним воспитанием. В этом они были похожи на многие российские пансионы, которые имели перед последними преимущество как в дидактическом, так и воспитательном плане, финансовой доступности и религиозной свободе. Коллегіумы Общества Иисуса сумели адаптироваться к новым культурным условиям, новым общественным запросам, появившимся с воцарением Александра I. Иезуиты сумели удовлетворить запрос на внимательное отношение к духовным потребностям детей, на их религиозное воспитание, которое служило бы основой для нравственного совершенствования, развитие их творческих способностей и в итоге свободного самораскрытия личности. Эти важные для романтической эпохи составляющие определили облик нового человека – воспитанника иезуитов. Это был широко образованный человек, принадлежавший нескольким культурам (потомок эмигрантов или естественно соприкасавшийся с разными культурами), носитель нескольких языков, приобщенный к различным вероисповеданиям. Иначе говоря – одна из ипостасей романтической личности. Для самих иезуитов воспитание открытой одновременно православию, протестантству и католичеству личности была важна в контексте их миссионерских трудов и в свете возможного воссоединения церковей, которое если и не состоялось, то было вполне возможным сценарием на рубеже XVIII–XIX веков. В его реализации религиозно-нравственное воспитание и систематическое обучение должны были сыграть роль катализатора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леруа, М. Миф о иезуитах: от Беранже до Мишле / М. Леруа. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 464 с.
2. Rouët de Journel, M.-J. Un Collège de Jésuites à Saint-Petersbourg (1800–1816) / M.-J. Rouët de Journel. – Paris : Perrin et Cie, 1922. – 323 p.
3. Kadulska, I. Akademia Połocka: ośrodek kultury na Kresach 1812–1820 / I. Kadulska. – Gdańsk : Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004. – 312 str.
4. Инглот, М. Общество Иисуса в Российской Империи (1772–1820 гг.) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире / М. Инглот. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – 632 p.
5. Inglot, M. L'Accademia di Polock (1812–1820), ateneo della Compagnia di Gesù superstita in Russia / M. Inglot // Morte e resurrezione di un ordine religioso: le strategie culturali ed educative della Compagnia di Gesù durante la soppressione (1759–1814), a cura di Paolo Bianchi. – Milano : Vita e Pensiero, 2006. – P. 201–230.
6. Блинова, Т.Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения) / Т.Б. Блинова. – Гродно : ГрГУ, 2002. 425 с.

7. Зянюк, Р.У. Навучальныя ўстановы рымска-каталіцкай царквы ў Беларусі (1772–1914 гг.): структура і дзейнасць : дыс. ... канд. гіст. навук / Р.У. Зянюк ; Ін-т гісторыі Нац. акадэміі навук Беларусі. – Мінск, 2014. – 254 с.
8. Россия и иезуиты. 1772–1820 / отв. ред. М. Инглот, S.J., Е.С. Токарева ; Ин-т всеобщей истории РАН ; Исторический ин-т Общества Иисуса. – М. : Наука, 2006. – 341 с.
9. Алексеев, М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв.: введение, тексты и комментарии / М.П. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 2006. – 504 с.
10. Lavrov, A. La première description française de la Sibérie / A. Lavrov // L'invention de la Sibérie par les voyageurs et écrivains français (XVIIIe – XIXe siècles), publié sous la direction de Sarga Moussa et Alexandre Stroev. – Paris : Institut d'études salves, 2014. – P. 15–24.
11. Kopaneva, N. Les relations des jésuites français dans le livre de Nicolas Witsen «Noord en Oost Tartarye» (1692; 1705) / N. Kopaneva // L'invention de la Sibérie par les voyageurs et écrivains français (XVIIIe – XIXe siècles), publié sous la direction de Sarga Moussa et Alexandre Stroev. – Paris : Institut d'études salves, 2014. – P. 25–35.
12. Комаровский, Н.Е. Записки графа Николая Егоровича Комаровского / Н.Е. Комаровский. – М. : Синодальная типография, 1912. – 112 с.
13. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1994. – 670 с.
14. Rjéoutski, V. Language Use Among the Russian Aristocracy: The Case of the Counts Stroganov / V. Rjéoutski, V. Somov // French and Russian in Imperial Russia / D. Offord [et al.]. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2015. – Vol. 1 : Language Use among the Russian Elite. – P. 61–83.
15. Андреев, А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половине XIX века / А.Ю. Андреев. – М. : Знак, 2005. – 432 с.
16. Catalogus personarum et officiorum Societatis Jesu in Imperio Rossiaco ex anno 1806 in annum 1807. – Polociae : Typis Collegii Societatis Jesu, [1806]. – 45 p.
17. Załęski, S. Historia zniesienia zakonu jezuitów i jego zachowanie na Białej Rusi / S. Załęski. – Lwów : Nakładem autora, 1875. – T.2. – 519 p.
18. Pierling, P. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques / P. Pierling. – Paris : Plon-Nourrit et Cie, 1912. – T. 5 : Catherine II. Paul I. Alexandre I. – 480 p.
19. Giżycki, J.M. Materiały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych / J.M. Giżycki. – Kraków : W.L. Anczyc i spółka, 1905. – 288 str.
20. Augustissimo ac Potentissimo Alexandro I. Imperatori et Autocratori Totius Rossiae instituta benevolentissime a Sua Imperatoria Majestate edito calendis martii diplomate et quarto Idus Junii solemnii ritu initiata Academia Polocensis Societatis Jesu d.d.d. – Polociae : In Typographia Academica, 1812. – 48 p.
21. Kadulska, I. The Polock Academy (1812–1820): An Example of the Society of Jesus's Endurance / I. Kadulska // Jesuit Survival and Restoration : A Global History, 1773–1900 / ed. by Robert A. Maryks and Jonathan Wright. – Leiden, Boston: Brill, 2014. – P. 83–98.
22. Nomina Patrum ac Fratrum qui Societatem Jesu ingressi Albam Russiam incoluerunt ab Anno 1773 ad Annum 1820 et in eadem Societate Jesu vita sunt functi. – Rollarii Flandrorum : Typographia Julii de Meester, 1914.
23. Кондаков, Д.А. На присутствие Ея Величества в Белоруссии: оды 1780 года и культурная политика Екатерины II / Д.А. Кондаков // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманит. науки. – 2012. – № 2. – С. 2–8.
24. Самайлюк, Т.А. Выдавецкая дзейнасць ордэна езуітаў у Беларусі XVIII – пач. XIX ст. Полацкая друкарня езуіцкай акадэміі (1787–1820) / Т.А. Самайлюк // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры : зб. навук. арт. : у 2 ч. / Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; складальнікі: Т.А. Дзем'яновіч, Л.І. Доўнар, Т.А. Самайлюк. – Мінск, 2006. – Ч. 1. – С. 129–138.
25. Recueil de pensées de Cicéron, de Maximes morales, de petits contes également propres à amuser & à inspirer le goût de la vertu, de Devoir de l'homme, de religion en général, de Droit naturel, de Fables, de Lettres, de narrations, de harangues, de poésies tirées des meilleurs auteurs, d'histoires de quatre premières monarchies. A l'usage de la jeune noblesse, qui étudie la langue française. En deux parties. – Polock : dans l'imprimerie du collège de la Compagnie de Jésus, 1798 ; 1804.
26. Archivum Romanum Societatis Jesu. Russia 1003: Societatis Jesu in Alba Russia, 1773–1798. Fasc. II : Epistolae generales et miscellaneae, 1785–1798. A. Epistolae A.R.P. Gabriele Linkiewicz.
27. Морошкин, М. Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени / М. Морошкин. – СПб. : Тип. Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1870. – Ч. 2. – 528 с.
28. енцикл. Н.И. Учебно-воспитательные заведения, из которых образовался Ришельевский лицей. 1804–1817 / Н.И. Ленц. – Одесса : Экономическая типография, 1903. – 386 с.
29. Вяземский, П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / П.А. Вяземский. – М. : Правда, 1988. – 480 с.
30. Rjéoutski, V. Les précepteurs francophones en Russie au XVIIIe siècle / V. Rjéoutski // Le précepteur francophone en Europe (XVIIe-XIXe siècles), sous la direction de Vladislav Rjéoutski et Alexandre Tchoudinov. – Paris : Harmattan, 2013. – P. 117–138.
31. Berelowitch, W. Les gouverneurs des Golitsyne à l'étranger: les exigences d'une famille (années 1760–1780) / W. Berelowitch // Le précepteur francophone en Europe (XVIIe-XIXe siècles), sous la direction de Vladislav Rjéoutski et Alexandre Tchoudinov. – Paris : Harmattan, 2013. – P. 139–150.
32. de Maistre, J. Œuvres complètes. XIV t. – Lyon : Vitte et Perrussel, 1884–1886. – T. VIII. – 1884. – 522 p.
33. Archives jésuites à Vanves, BS Ga 5-IX. – Lettre du P. Rozaven au prince Alexis Golitsyne, Polotsk, 17.12.1816.
34. Гречаная, Е.П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825) / Е.П. Гречаная. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 320 с.

35. Дмитриева, Е. Обращения в католичество в России в XIX в.: Историкокультурный контекст / Е. Дмитриева // Arbor mundi. – М., 1996. – Вып. 4. – С. 84–110.
36. Niqueux, M. Les catholiques russes (XIXe siècle) / M. Niqueux // Revue des études slaves. – 2011. – Т. 82/3. – P. 539–552.
37. Энгельгардт, Л.Н. Записки / Л.Н. Энгельгардт ; подгот. текста, сост., вступ. ст., примеч. И.И. Федюкина. – М. : НЛО, 1997. – 256 с.
38. Записки графа Ф.П. Толстого, товарища Президента Императорской Академии Художеств // Русская старина. – 1873. – Т. VII. – № 1. – С. 24–51.
39. Mazon, A. Deux Russes écrivains français / A. Mazon. – Paris : Didier, 1964. – 427 p.
40. Belosselski-Belozerski, A. Poésies françaises d'un Prince étranger, Epître aux Français, aux Anglais, et aux républicains de Saint Marin / A. Belosselski-Belozerski. – Paris : Didot l'aîné, 1789. – 110 p.
41. Gretchanaia, E. «Je vous parlerai la langue de l'Europe... » La francophonie en Russie (XVIIIe – XIXe siècles) / E. Gretchanaia. – Bruxelles : Peter Lang, 2012. – 411 p.
42. Толстой, Ф.П. Записки графа Фёдора Петровича Толстого / Ф.П. Толстой ; сост., вступ. и коммент. А. Е. Чекуновой, Е. Г. Гороховой. – М. : РГГУ, 2001. – 324 с.
43. Archives jésuites à Vanves, BS 7a-8.

Поступила 07.04.2017

EDUCATIONAL ACTIVITY OF THE SOCIETY OF JESUS IN THE RUSSIAN EMPIRE (1772–1820): QUI PRODEST?

D. KANDAKOU

The article deals with the Society of Jesus teaching and education in the Russian Empire between 1772 and 1820. By reading and analyzing memoirs and letters, order's catalogues and pedagogical treaties, we reconstruct the educational ideal of Jesuits and of a group of the Russian society, create the social portrait of Jesuits pupils, retracing social bonds between pupils their families and teachers. The progress of Jesuit model of teaching in early 19th century is explained by political, social and cultural factors as well as by the match between the educational offer and social demand for modeling of a person opened to various religions, languages and cultures.

Key words: Society of Jesus, Russian Empire, educational ideal, social portrait, pension, Jesuit College.